

Юрий МАСЛОВ-ОСТРОВИЧ

г. Ярославль

Плеть, Узда и Подкова

(сказка домового Ефрема Магазинова)

Вот ведь какое дело... Жили-были, понимаете ли, Плеть, Узда и Подкова. И что, надо вам сказать, немаловажно, рядышком жили, по соседству. В одной, натурально, конюшне. А сами ведь знаете: где две бабы сошлись, там и спор! Ну, а ежели три — тут и вовсе базар!

Плётка-то изо всех, поди, самая языкастая будет, первая начала:

— Я, — говорит, — среди вас, подруженьки, что ни на есть главнейшая персона!

Уздечка от такого нахальства, так сказать, чуть в узел не завязалась:

— Это кто ж тебя в чин такой произвёл? Да и в честь какого праздника?

— А в честь такого, что меня хозяин собственноручно плёл, душу свою человечью в каждую жилочку мою вкладывал!

Ну, Узда ведь, известное дело, привыкла всем рот затыкать:

— Тпру! — говорит. — Хвостатая твоя душа! Ежели на то пошло, так я и вовсе не деревенского происхождения. Меня хозяин в большом городе на ярмарке купил! А родом я из восточных стран: арабскими мастерами выделана, индийским серебром изукрашена!

Плётка так и взвилась! Как говорится, обуха она не перешибёт, но отметину оставит. Стеганула сплеча:

— Делали тебя в селе Портянкине Лапотного уезда. И серебришко твоё липовое — медь копеешная, оловом лужённая!

Тут Уздечка, само собой, удила закусилась и понесла:

— Клевету распускать все вы горазды, а ежели до дела, так без меня, без Узды, и кобыла со двора не пойдёт...

Плётка, понятное дело, тоже разошлась — хлещет напрапалую:

— Пойдёт! Ещё как пойдёт! Плёточка по бокам погуляет — так и кляча птицей полетит. Хоть бы и без Узды! Можешь вон Подкову спросить. Зря, что ли, на гвозде висит!

Час от часу не легче! Лучше бы они Подко-

ву и не трогали. Мозги-то у неё, сами понимаете, кованые — думает долго. Но ежели посылнее напроситься, то в любой лоб засветит. Молчала-молчала да брякнула:

— Я, — говорит, — конечно, в высоких материях не сильна! Можно сказать, промеж землёй и копытом живу. Потому и разумение у меня простое: без Подковы-то любая лошадь захромает. Какая бы Узда ни была! И хоть ты Плёткой все бока обдери...

Ну, тут, как водится, соседки на неё накричали, меж собой помирились, и спор-базар на том успокоился.

Только вот ведь какое дело! В ту же ночь на хозяйское добро вор покусился. Полный мешок набил, барахла-то всякого. Плётка с Уздечкой тоже ему приглянулись. Даже Подкову взял. Должно быть, на счастье...

А оно возьми да и выйди всё наоборот!

Подкова в мешке звякнула, собаки забрехали — хозяин-то и проснулся. Вор, понятное дело, — наутёк! Хозяин — за ним! Как есть, прыг на коня! Седлать да взнуздывать некогда. А ежели б и было когда, так ведь нечем — всё вор попёр. Вцепился мужик в кобылью гриву, пятками по брюху саданул — и помчал по дороге, только пыль столбом!

Всё бы хорошо, да одно неладно! У кобылы-то передняя нога не подкована была. Не зря ведь Подкова на гвозде болталась — ждала, когда на место прибьют...

Захромала, в общем, гнедая и встала. Вор убёг, а хозяин домой воротился — пешком и с пустыми руками.

Так что сами решайте, кто же в том споре правый...

Самая МЕДВЕЖЬЯ

(сказка травника
Кипрея Крапивина)

Как-то раз заспорили между собой ягоды, которая из них на медвежьем столе главная? От какой ягоды у косялопаго силы больше становится?

— Меня, меня слушайте! — кричит Малина. — Я самая медвежья ягода. Спросите любого, где летом Медведя искать? Конечно, в малиннике!

— А вот и нет! В бору он пасётся! — прямо-таки хором спорят с Малиной две сестрички, Черника с Брусникой.

— На болоте! На болоте! — твердит их тётка Голубика.

— Точно, точно! — поддакивает ей соседка по кочке — ягода Морошка.

В общем, спорят-шумят. Дружка дружке слова не дают. Одна Клюква сидит тихонечко и шепчет:

— А меня Медведь тоже любит...

— Сказала тоже! — смеётся Морошка. — От тебя, кислюшей, только зубы сводит. То ли дело я! Вон какая золотая, словно солнцем налитая!

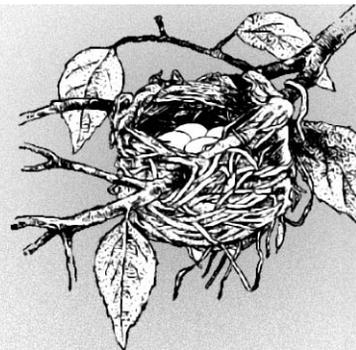
Целое лето спорили, договориться не могли. А всё потому, что завтракал Медведь на Морошковом болоте. К обеду в Черничный бор перебирался. А ужинал на опушке — в малиннике.

Кончилось лето красное, наступила осень. Сунулся косолапый в лес, забрёл на болото — и пригорюнился. Нет там ягод. Только Клюква одна. Пожевал Медведь ягоду, другую. Кисло! Рад бы не есть, да всё равно надо. Набил брюхо кислятиной и залез в берлогу.

Всю зиму Медведь проспал. Сладкие сны смотрел — про мёд да про малину. Не про клюкву же! По весне вылез: худой, голодный. Да и лес вокруг стоит не лучше — такой же тощей! Ни травинки, ни ягодки. Под деревьями ещё сугробы лежат. А земля такая мороженная, что никакого вкусного корешка не откопашь! Что делать, чем закусить?

Глядь, а на болоте Клюква из-под снега вытаяла. После мороза-то она сладкая, сочная. Наелся Медведь до отвала. Тепло по жилочкам побежало. Силушку косолапый почувал. То-то Клюква радовалась! Да вот незадача: никто её славы не видел. Ведь ранней-то весной на болоте не то что другой ягодки, а и цветочка не сыщешь.

Вот потому до сих пор ягоды меж собой и спорят: какая ж из них самая медвежья, какая косолапому больше силы даёт?

Почему Зуёк ГНЕЗДА НЕ СТРОИТ

(сказка о мушкетере
Налима Запрудина)

Кто на озере был, эту пташу видел. Грудка беленькая, галстук чёрненький, а спинка серо-бурая. Точь-в-точь как песок на берегу, с речным илом перемешанный. Птичку Зуёком зовут. Куликам и Чайкам родня. Да, видать, не ровня...

Случилось это в стародавние времена, когда птицы меж собой землю делили. Кому где гнездо вить. Ну, Зуёковы-то родичи враз на крыло — и в наши северные края подались. И Зуёк, понятное дело, за ними.

Хоть и малы крылья, а отстал ненамного. И так это его обрадовало, что Зуёк целый месяц токовал-веселился. А когда петь-плясать устал, глядь,

гнездо-то строить и негде. Все места заняты.

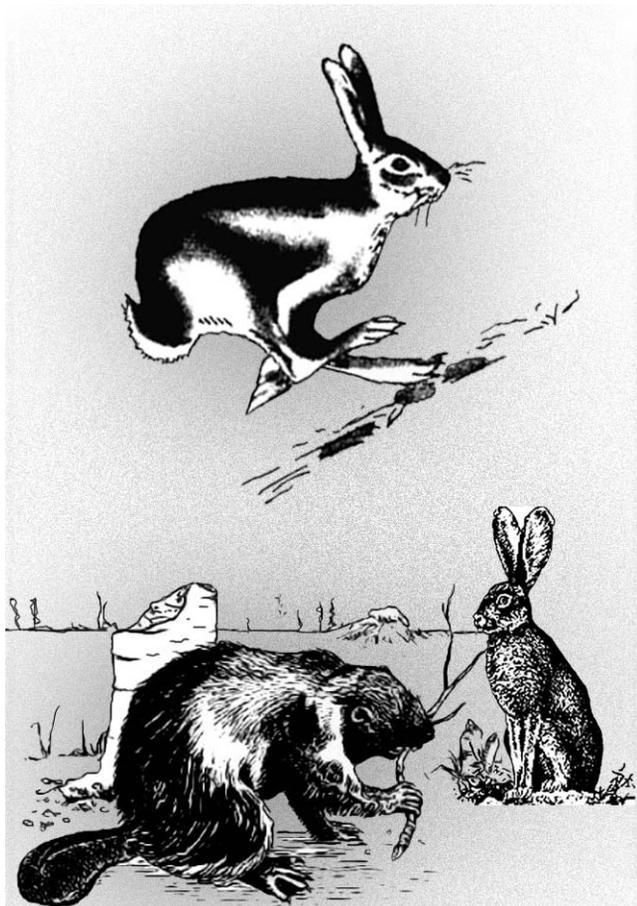
Полетел было на озеро — а там каждый остров до отказа забит. По всем кочкам тётки троюродные, Чайки да Крачки, гнёзда построили. Яйца уж лежат. Да и страшненько с тётками. Чайки — бабы крупные, горластые. Не задавят, так с ума сведут.

Кинулся к ручью, что в озеро впадает. Опять промах: все прибрежные кусты учтены и посчитаны. Своими же, Куликами: Перевозчиками да Поручейниками. А дальше — на заливных лугах Чибисы кричат с Веретенниками. Не хотят к себе брата двоюродного пускать. Будто и не родня вовсе!

Мыкался-мыкался Зуёк и остановился на отмели. Гольный песок да мелкие камушки. Ни травинки, ни веточки. Ни гнезда свить, ни птенцов от чужих глаз укрыть.

Расковырял Зуёк ямку в песке и свистит Зуихе своей. Клади, мол, яйца сюда. Видно доля наша такая. Отложила Зуйкова жена яйца. Да только сидеть на таком гнезде не стала. Неуютно ей: и ветром продувает, и видно отовсюду. Присыпала она кладку песочком речным и пошла с мужем по соседям-родственникам на судьбу свою жаловаться.

И вот, понимаешь, какая штука вышла. Пока они ходили да печалились, солнце песок прогрело. Яйца сами собой насиделись — птенцы вывелись! Понравилось это Зуйкам. Они и на следующий год так же сделали. И на третий, и далее... С тех пор все Зуйки гнёзда не вьют, птенцов не высидивают. Каждую весну напролёт веселятся, а летом на судьбу жалуются.

Про Бобра и Зайца

(сказка омутника
Налима Запрудина)

Пристал как-то Заяц к Бобру с расспросами. Ну прямо как пиявка прилип!

— Зачем тебе, — говорит, — такой хвостище: длинный да широкий? У меня-то хвостик вон какой маленький.

А Бобр у нас зверь серьёзный, степенный. Обстоятельно так отвечает:

— Хвост, понимаешь ли, — штука важная. К примеру, когда я дерево подгрызаю или просто обедаю, на хвосте своём, как на брёвнышке, сижу. А если плаваю, хвост у меня — и как руль, и как весло...

— Бобр, а Бобр! — не унимается Заяц. — А как ты под водой плаваешь? Неужто вода тебе ни в нос, ни в уши не попадает? Я как-то в ручей свалился, так вода во все дырочки налилась! Чуть не захлебнулся!

Бобр и тут ему полный ответ даёт:

— Я, когда ныряю, уши складываю, а ноздри плотно сжимаю. Вот вода и не затекает.

— Ишь ты! — удивляется лопухий. — Ловко придумано. И как ты всему научился?

Вздыхнул Бобр:

— Жить захочешь — научишься!

И плюх в свой ручей! Вроде как по делу. Ну, а по правде — лишь бы от Зайца отделаться. Сколько ж можно болтать!

А косою уселся на Бобровой плотине — и давай уши складывать да нос зажимать! И всё голову в воду суёт. Для проверки — хорошо ли получается?

Так увлёкся, что не заметил, как Лиса сзади подкралась. Уши-то с носом у него другим были заняты!

Хорошо ещё, Бобр ему знак подал. Хвостиком своим по воде шархнул. Опасность, мол, рядом!

Заяц от удивления глаза растопырил, Лису увидал — да как сиганёт через ручей! А там — что есть духу — в лес! Забился в самые что ни на есть густые кусты и думает:

— Заяц на этом свете не хвост нужен, а уши большие. Чтобы Лису слышать! И ноги длинные. Чтобы бежать быстрее! А хвост как раз должен быть маленьким. Чтобы никто за него не ухватил!

□

Юрий МАСЛОВ-ОСТРОВИЧ

(наст. имя Юрий Васильевич Маслов)

родился в 1958 году в г. Остров (Псковская область).

Окончил киноотделение

Московского государственного института культуры.

Журналист. Прозаик.

Пишет для детей и взрослых.

Лауреат литературных конкурсов им. П.П. Ершова (2008)

и «Золотое перо Руси» (2011),

а также ряда журналистских конкурсов.

Член Союза журналистов России.

Живёт в Ярославле.

В журнале «Север» публикуется впервые.

